Подписка принимается во всех почтовых отделениях России
стр. 4

НЕ ДАЙ БОГ!

Газета Российского фонда помощи

Основана в апреле 1996 года ◆ **Суббота, 26 октября 1996 года, №10(10)** ◆ Распространяется бесплатно

Газета по просьбам трудящихся

«Ну надо же! Опять „Не дай Бог!“ С чего вдруг?!» — пройдет еще каких-нибудь десять дней, и миллионы человек по всей стране произнесут эту фразу, обнаружив в своем почтовом ящике свежий номер нашей газеты.

И правда, с чего? Выборы давно закончились. В прошлом осталась связанная с ними нервотрепка. Какой смысл опять выпускать предвыборную газету? Странно...

Странно. И совсем не трудно заранее представить, какое количество самых разнообразных предположений вызовет у народонаселения новое, неожиданное появление газеты «Не дай Бог!».

— Видимо, коммунисты опять активизировались, — решат одни.

— Нет, не в коммунистах дело. Это ж они теперь заранее к следующим выборам готовятся. Через четыре года опять Ельцина выбирать станут. Вот и суетятся заранее..., — быть может, сочтут другие.

Удивительная штука наша нынешняя российская жизнь. Оказалось, очень трудно найти такой момент для выхода «Не дай Бог!», чтобы поблизости не оказалось никаких подходящих политических объяснений. Ну, вышла б «Не дай Бог!», скажем, недели четыре назад, так это связали бы с предстоящей Ельцину операцией. Вышла сейчас — свяжут с отставкой Лебедя. А через неделю опять произойдет что-нибудь такое, с помощью чего во «втором пришествии» «Не дай Бог!» можно будет обнаружить глубокий политический подтекст.

И это объяснение будет ничем не хуже и не лучше всех остальных упомянутых выше. Собственно, они все хороши. И все имеют только один, хотя и достаточно весомый недостаток. Все они — неправда.

Свежий номер «Не дай Бог!», который сегодня обнаружат в своих почтовых ящиках десять миллионов россиян, не имеет никакого отношения ни к болезни Ельцина, ни к отставке Лебедя, ни к коммунистам, ни к Думе, ни вообще к какой бы то ни было из бесконечного количества разнообразных политических причин и мотиваций.

Выборы кончились. Коммунисты не прошли. И угроза их возможного возвращения к власти осталась в прошлом. Это главное. А разбираться в текущих политических дрязгах... Увольте. Занятие скучное и неблагодарное.

«Второе пришествие» газеты «Не дай Бог!» связано, собственно, только с одним. С комнатой в помещении нашей редакции. Третьей по счету слева, если идти от лестницы с противоположной от кабинета главного редактора стороны. Там, в комнате в больших картонных ящиках аккуратно сложено то, что было и остается главной и настоящей причиной нашего решения продолжить выход газеты «Не дай Бог!» и после выборов.

Причина — ваши письма. Тысячи писем, которые мы получили за те два месяца, пока делали «Не дай Бог!» перед выборами. Эти письма произвели на нас впечатление.

Чем? Нет, не политическими позициями их авторов. Кто собирался голосовать за Ельцина, кто за Зюганова — об этом чаще всего просто сообщалось в начале или в конце письма. Сами же письма были о другом. Люди писали о своей жизни в последние годы. О проблемах. О том, чего удалось добиться. О новых вопросах, на которые трудно найти ответ. Иногда просили о помощи. Иногда нуждались в защите.

Почему подобных писем было так много? Почему их авторы, явно нуждавшиеся в том, чтобы рассказать кому-нибудь о своей изменившейся за последние годы жизни, писали не куда-нибудь, а в предвыборную, недолговечную по самой своей идее газету, откуда и ответа-то ждать странно?

Почему? Да очень просто. А куда еще писать-то?

Некуда...

А ведь раньше было куда. Почти все журналисты из той команды, которая делала «Не дай Бог!», успели, пусть недолго, но все-таки поработать в прежних, доперестроечных изданиях. Почти все помнили, как даже тогда, в тяжелые, зажатые цензурой годы ездили в командировки по читательским письмам, старались помочь людям, попавшим в беду и обратившимся в редакцию за помощью. Это было нормой, естественной частью журналистской профессии тех лет. Работа по письмам читателей.

Как-то так получилось, что где-то в эпицентре перестроечной суматохи эта работа забылась, исчезла, была заслонена всем тем, что заполнило страницы газет тогда, когда цензура, слава Богу, приказала долго жить.

Но как бы ни были привлекательны и сенсационны заполнившие газетные полосы новости, а все же едва ли «работа по письмам читателей» была забыта справедливо. Это показала почта «Не дай Бог!». Это в конечном итоге подтолкнуло нас к той самой идее, в результате возникновения которой в ваших почтовых ящиках и появился свежий номер газеты «Не дай Бог!».

К идее вспомнить старое. И сделать «Не дай Бог!» газетой по письмам читателей. И самое главное — по просьбам читателей. Потому что буквально в каждом втором письме вы спрашиваете нас: будет ли газета выходить и дальше, и как на нее подписаться.

Что это значит? Это значит, что журналисты «Не дай Бог!» будут ездить в командировки и писать статьи исключительно по вашим письмам. Исключительно по вашим письмам — мы будем брать интервью у тех, кто может сказать что-то для вас интересное и полезное. Ваши письма мы будем постоянно публиковать в специальном разделе. Мы будем отвечать на ваши вопросы, обсуждать ваши проблемы. И самое главное — стараться помогать всегда, когда это возможно.

Ради того, чтобы создать такую газету, мы и решили продолжить выпуск «Не дай Бог!». Впрочем, нужно сразу признаться, что сделать это оказалось не так просто, как казалось нам в первый момент.

Прежде всего нам потребовалось убедить в необходимости подобной газеты наших спонсоров, которые, конечно же, безо всякого энтузиазма отнеслись к тому, что им придется выплачивать за газету, мягко говоря, немаленькие деньги и после окончания избирательной кампании. Естественно, речь не шла о том, чтобы и после выборов газета была полностью бесплатной — это было бы невозможно ни при каких спонсорах. Мы, однако, хотели, чтобы она была очень дешевой — настолько, чтобы подписаться на нее смог практически любой желающий. И это само по себе требовало от наших спонсоров больших ежемесячных дотаций.

В конце концов нам удалось добиться своего. Газета «Не дай Бог!» будет выходить еженедельно, начиная с 1 января 1997 года. Подписка на нее будет стоить немного — 4000 рублей в месяц. 24 000 — за полгода. Хватит ли таких денег на производство газеты? Нет, конечно, не хватит. Поступления от подписки покроют только часть редакционного бюджета. Все остальные расходы возьмут на себя спонсоры. Собственно, именно благодаря им «Не дай Бог!» будет самой дешевой центральной газетой страны.

Подписаться можно прямо сейчас. В любом почтовом отделении. Условия подписки — на последней странице этого номера, который мы выпустили для того, чтобы на практике показать вам, что мы имеем в виду, когда говорим о «газете по письмам читателей». И искренне надеемся, что он вам понравится. А если не понравится? Не страшно. Это же газета по письмам читателей. Напишите нам. И мы все исправим.

РЕДАКЦИЯ

Займемся своими делами

ВАСИЛИЙ ШАПОШНИКОВ

Мы сделали свой выбор.

Потому что искренне считали, что в тот момент каждый из нас должен был на время забыть о себе и подумать о родине. Мы правильно подумали. Потому что после этих выборов победители не гоняются с кольями за побежденными.

В этом главная ценность победы. Мы перестали быть врагами.

Те, кто так уговаривал нас отдать наш единственный и неповторимый голос, больше ни о чем нас не спрашивают. Они договариваются между собой. Они заняты своими делами. А нам пора заняться своими. Потому что, похоже, наступил момент, когда родина не требует от нас жертв и судьбоносных решений. Пора подумать о себе.

Пора, потому что жизнь коротка. Обидно тратить ее на демонстрации. Мы отстояли свое право выяснять на кухне личные, а не политические отношения. Мы быстро теперь забудем, где зарыли партбилет. У нас теперь есть возможность подойти поближе и взглянуть друг другу в глаза. И попытаться понять, кто мы вообще такие, что они с нами сделали и как нам жить дальше.

Это, кстати, гораздо сложнее, чем бегать по площади с флагом. Потому что требует работы души, а не ног. Но за нас эту работу никто не сделает. Мы теперь должны надеяться только на себя. И строить свою жизнь, не ожидая, что кто-то построит ее для нас. И помнить, что мы больше не демонстранты. Мы мирные обыватели. Поэтому давайте займемся делом. А флаги снесем в музей. Будет потом, что детям показать.

Как фермер Иван Гидеон вертится вместе с землей

Александр Семенов, 32-летний учитель труда из Тулы, в своем письме в редакцию жалуется на скромную зарплату и рассказывает о своей неудавшейся, как ему кажется, жизни. Помимо этого он задает себе и нам не самые легкие на этом свете вопросы: в состоянии ли человек сам распоряжаться своей судьбой или судьба будет поступать с ним так, как ей заблагорассудится? У нас нет готового ответа. Да его и не может быть. Тем не менее мы предлагаем Александру и всем читателям очерк из Кемеровской области о человеке, которому судьба, а заодно и российские власти постоянно ставят палки в колеса. А он, вопреки всем неприятностям, делается счастливее и богаче.

Иван Гидеон похож на врага революции. Борода, крест на шее и взгляд такой, что посмотрит — рубль отберет. В деревне Кокуй, где он обосновался на фермерство, все сразу поняли, зачем явился из города этот мужик. И прозвали кулаком. Врагом, стало быть, трудового пролетариата и работящего крестьянства. Поджигать пару лет назад его усадьбу местное население пыталось тоже из классовых соображений. Трудно ведь стерпеть, когда на твоих глазах вчерашний гегемон-пролетарий и бывший член КПСС превращается в эксплуататора трудового народа...

...Иван Гидеон подался в кулаки из шахтеров. Я специально спрашивал его о бывшем распорядке его трудового дня. В 6.00. подъем, чай, остановка автобуса, шахта, раскомандировка, лава. В 16.00. он на поверхности. Сигарета, мойка, квартира. Диван, телевизор, газета. Завтра — снова по будильнику. И так год за годом. Все одиннадцать лет.

Ивану стало скучно в штольне, когда уголь наскучил его стране и стал ей не нужен. Поначалу Гидеон, конечно, вместе со своими товарищами выходил на площадь и совершенно искренне кричал «Долой!». Он даже лично видел слезу на щеке тогдашнего министра угольной промышленности тов. Братченко, уговаривавшего кемеровских шахтеров бросить дурью маяться и вернуться в штольни и бараки.

Но самым удивительным для Ивана тогда стала не слеза начальника. Его вдруг поразило, что никто так и не сказал на площади, какой она должна быть, эта лучшая жизнь. По мелочам сказали все: что мыла нет в мойке, что путь на работу не учитывается при определении затрат рабочего времени, что квартирный вопрос запутан и в жилищной очереди больше 600 человек, а подвижка в год на десяток, не больше. Выход шахтеры предлагали простой: сменить к чертовой бабушке старое начальство и ждать счастья от нового.

Гидеону это решение казалось слишком легким, потому что жизнь — не кусок мыла. Но что тогда жизнь? Он, как я понимаю, много об этом думал. Не знаю, придумал ли. Не знаю, нашел ли истину. Но знаю точно, что искать ее в конце концов он решил самостоятельно. Гидеон тогда ушел из коммунистической партии и из забоя.

— Ты знаешь, — говорит он мне теперь, — я тем июлем 89-го горжусь. Вырастут внуки — тоже будут гордиться. Если хорошо подумать, шахтеры своего добились, они придавили партию. Только вот воспользоваться этим смог не каждый. Потому что, извини, кому-то на роду написано жить и помирать в рабах. А мне вот повезло. Потому что везет тому, кто сам везет.

Окончание на стр. 3 >

ЛЮДИ — ДОБРЫЕ!

Российский фонд помощи, о начале работы которого мы сообщали в двух последних номерах «Не дай Бог!», существует уже более четырех месяцев. Как вы, вероятно, помните, фонд — не финансовая организация. Его задача — своего рода посредничество. Между теми, кто нуждается в помощи, и теми, кто может помочь.
К нам в фонд приходят письма людей, по разным причинам оказавшихся в тяжелых, иногда безвыходных ситуациях, мы же стараемся теми или иными способами познакомить с содержанием этих писем людей других — вполне обеспеченных и способных оказать необходимую помощь.
Конечно, помочь таким способом удается далеко не всем. Но все-таки удается. В предвыборных номерах «Не дай Бог!» мы публиковали подборки писем с просьбами о помощи. И уже тогда эти публикации принесли результаты. Однако последние четыре месяца газета не выходила, и публиковать писем мы, естественно, не могли. Поэтому на это время избрали иной способ. Мы отправили письма нашим собкорам по стране и еще — некоторым из наших коллег-журналистов. Вот что из этого получилось...

Пишет вам мама четверых детей. У меня в семье большая беда. Сын Павлик — очень больной, он перенес уже четыре операции, а нужны еще две — их делают через каждые полгода. И каждая стоит $600. Первые операции дали отличный результат: малыш пошел в садик, начал хорошо говорить. В октябре надо снова ехать в Москву, а у нас нет денег. Еще за прошлую операцию остался долг. Где же взять денег? Любая мать ведь хочет, чтобы ее ребеночек был здоровым...
Лидия Павловна Распутина, г. Сыктывкар

■ Операцию Павлику оплатила одна из вологодских компаний. Как передает из Вологды наш корреспондент Андрей Окунев, президент компании попросил не упоминать ее названия в газете, потому что считает это нескромным.

Вот решилась обратиться к вам, в Фонд помощи. У меня катаракта обоих глаз, очень плохо вижу. Врач дала направление на операцию в Екатеринбург и сказала, что это обойдется мне в два миллиона рублей. Пенсия моя 200 тысяч, так я хотела подработать сторожем, но медкомиссия не разрешила. А помочь мне абсолютно некому. Помогите ради Бога.
Клавдия Петровна Марфина, г. Североуральск Свердловской области

■ Два миллиона рублей на операцию решило заплатить Клавдии Петровне крупное акционерное общество «ЛУКОЙЛ–Екатеринбург», с которым связался наш уральский корреспондент Виктор Смирнов. «ЛУКОЙЛ–Екатеринбург» специализируется на оптовых поставках горюче-смазочных материалов в Свердловскую область и розничной торговле нефтепродуктами. Для него, понятное дело, два миллиона — деньги не великие. Что же означала такая помощь для Клавдии Петровны, догадаться нетрудно...

Зовут меня Тамара, у меня двое сыновей. Денису семь лет, а Роману четыре годика. Есть муж. После Чернобыльской катастрофы наш район оказался в радиоактивной зоне. В марте

АЛЕКСАНДР ПОТАПОВ

прошлого года у меня выявили опухоль головного мозга. Запретили работать, дали вторую группу инвалидности. Операция в институте им. Бурденко стоит больше пяти миллионов рублей. Для меня это нереально. А так хочется жить.
Тамара Поленок, п. Красная Гора, Брянская область

■ Заместитель главного редактора газеты «Брянское время» и наш корреспондент Александр Левинский сообщил, что одна из фирм этого города вызвалась помочь Тамаре. Заручившись этой поддержкой, она в сентябре приехала в Москву. В институте ей предложили пройти обследование на томографе, предварительно заплатив 565 тысяч рублей. Эти деньги за нее внесла редакция «Не дай Бог!». После обследования врачи не исключили и более сложной, чем предполагалось поначалу, операции стоимостью в 15 млн рублей. Правда, требовался еще повторный анализ через месяц. Тамара была в панике — и от тяжести предполагаемого диагноза, и от суммы, которую следовало бы уплатить за операцию, подтвердись страшный диагноз. Мы переживали вместе с ней, связались вновь с Брянском. И, как вскоре заверил редакцию наш корреспондент, нашлись еще две фирмы, готовые прийти молодой женщине на помощь и внести за нее недостающие 10 млн рублей. Руководители этих предприятий просили не упоминать о них в газете.
Однако, слава Богу, все обошлось без хирургического вмешательства. На днях Тамара Поленок вновь побывала в институте им. Бурденко, и врачи пришли к выводу, что опухоль у нее доброкачественная и в операции нет нужды.

Обращаюсь к вам в фонд с большой надеждой, что найдутся добрые люди и помогут нашей семье. Сильно заболела сердцем моя мама. Врач говорит, что лечение обойдется в три миллиона рублей. У мамы трудового стажа пятьдесят лет. Но это с колхозными годами, за которые почему-то ей не платят. А отчим по первой группе инвалидности получает 200 тысяч. Сам я тоже инвалид второй группы. Поймите меня правильно и помогите.
Петр Темаев, п. Красный городок Самарской области

■ Наш корреспондент в Самаре Андрей Федоров передал, что Темаевым помог тольяттинский Росэстбанк, один из крупнейших в Поволжье.

У моего сына бронхиальная астма (до пяти приступов в день). Но сейчас появился шанс! Ему 15 лет, в этом возрасте происходит «гормональный взрыв» и велика вероятность излечения. Требуется смена климата, усиленное лечение. Ему просто необходим хороший санаторий в Крыму! Стоимость путевки на 24 дня для матери и сына вместе с проездом составляет семь миллионов рублей. Помогите, пожалуйста!
Н. Вилкова, г. Рязань

В марте 1994 года у нас родился сын Андрей. В восемь месяцев у него обнаружили врожденный порок сердца. Врачи сказали, что требуется срочная операция. Сложная, опасная и дорогая. Прошло уже полтора года, а Андрей еще не прооперирован. В нашем крае таких операций не делают. А в Новосибирском институте кровообращения им. Мешалкина предупредили, что за медикаменты придется заплатить восемь миллионов рублей. Операция назначена на эту осень, но такую сумму нам не осилить. Муж — сельский учитель, а я сейчас в декретном отпуске. А богатых предприятий в нашем районе нет.
Л. Шлаузер, с. Подстепное, Алтайский край

■ Деньги на операцию Андрею и на поездку в санаторий для сына Натальи Вилковой собрали и перевели журналисты известного московского журнала «Домовой». Более того, познакомившись с содержанием поступающих в фонд писем, редакция журнала приняла решение открыть для их публикации специальную рубрику. Подборки писем, подготовленные фондом, будут теперь публиковаться в каждом номере журнала. А первая уже опубликована в последнем, октябрьском «Домовом».

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Если вы решили обратиться в Российский фонд помощи с просьбой о денежной помощи на лечение или операцию, высылайте, пожалуйста, вместе с письмом и копии необходимых документов из медицинских учреждений. Желательно вместе со счетом на оплату. Именно копии, потому что оригиналы вам могут впоследствии понадобиться и самим. Эти документы ускорят нашу работу. Штат фонда невелик, а писем много. И как показывает наш небольшой опыт, одна лишь их проверка отнимает очень много времени. А без проверки, к сожалению, не обойтись. Бывает, что в почте обнаруживаются письма и недобросовестных людей. Их немного, но, согласитесь, было бы обидно, если бы помощь досталась именно им...

Перелом

Наш корреспондент АНДРЕЙ ГРИШКОВЕЦ *поехал в командировку по письму Татьяны Семеновой, заранее зная, о чем будет писать.*
В номер была заявлена небольшая заметка в подборку писем о помощи: семья Семеновых живет в Твери втроем на одну пенсию по инвалидности; чтобы парализованный Александр, муж Татьяны, мог самостоятельно выходить на улицу, нужно смонтировать в доме специальный подъемник для его коляски. Подъемник дорогой, денег, конечно, нет. Грустная, но, к сожалению, типичная история.
Андрей привез из Твери неожиданно хорошие новости: подъемник уже работает. И написал большой материал, который нельзя назвать ни «просьбой о помощи», ни историей о том, «как местные власти помогли инвалиду». Скорее это История Любви.

Они познакомились десять лет назад, в Джанкое, где старший лейтенант Семенов служил, а его будущая жена работала экономистом. Просто разговорились, пока ждали автобуса на остановке. Сейчас, когда смотришь на них, сразу видно, что судьба помогла им встретиться. Даже внешне они дополняют друг друга. Высокий, голубоглазый, сильный Саша и темноглазая, хрупкая и очень женственная Таня. Красивая пара. Через год они поженились.

И жена штурмана военно-транспортной авиации стала учиться ждать, изучая невеселую историю страны по командировкам мужа.

В 1986 полк брошен на ликвидацию последствий чернобыльской аварии. Потом на ликвидацию последствий землетрясения в Армении. Потом полеты в Афганистан, где уже не было наших войск. Каждый раз она провожала его до аэродрома.

Когда майора Семенова отправили служить в забайкальский Укурей, она, конечно, поехала с ним. Им было хорошо вместе. Даже в квартире, где зимой температура не поднималась выше нуля. Они были молоды и счастливы и знали, что скоро обязательно будет лето.

Тем летом 93-го они приехали в отпуск в Крым к Таниным родителям. Отец тогда купил «Запорожец» и с помощью зятя затеял строить гараж. Соседские дети, конечно, сразу приспособили строительную площадку под игровую. Саша так до сих пор и не знает, во что они играли в тот день. Может, в летчиков. Или парашютистов. А может, та маленькая девочка просто не знала, как спуститься с крыши гаража, и решила прыгнуть вниз на кучу кирпичей. Он успел поймать ребенка и оттолкнуть в траву. А сам упал в смотровую яму. Сейчас они уже спокойно вспоминают об этом.

САША:
— Я открыл глаза — лежу на боку, а ноги как-то неестественно перекручены. Я чувствовал, что не могу пошевелиться, просто не могу и все. Смотрю вверх — чья-то голова показалась. Мужчина ехал мимо на машине и все видел. Он принес лестницу, спустился. Я у него спрашиваю: «Что там со мной? Я даже голову повернуть не могу». Он голову мне приподнял и говорит: «У тебя там горб на спине».

ТАНЯ:
— Когда приехал отец (это еще до того, как мы за скорой поехали), он сразу сказал: «Саша разбился». Я говорю: «Как разбился, он живой?» — «У него позвоночник сломан, это все равно что мертвый».

Скорая сразу отказалась ехать — нет бензина. Отец тогда слил бензин со своего «Запорожца», и мы привезли Сашу в больницу. Вызвали из Симферополя нейрохирурга. Он сделал операцию. После операции вышел и говорит: «Ничего, вы еще молодая, у вас еще все впереди. А он жить может и будет, но ходить — нет. Таких обычно бросают».

После этого прошло три года. Из них два они прожили в больницах. Таня ухаживала за всей палатой и первые несколько месяцев спала на полу возле него. Потом нашли матрас.

Каждые два часа Сашу нужно было переворачивать, чтобы не было пролежней. Она вставала на кровать и старалась делать это как можно осторожней. Он терял сознание от боли и не мог помочь ей ничем. У него не работал даже кишечник.

САША:
— Конечно, все тогда только на ней держалось. В буквальном смысле вытягивала все, что от меня осталось. Первые месяцы ей особенно было тяжко. Не только физически.

Я не мог привыкнуть к этой полной беспомощности, я все время задавал себе вопрос: «Зачем я ей нужен такой?». Думал: «Да, я люблю ее, и она меня любит, но я не могу, не должен этим пользоваться в моем состоянии».

Я не просто говорил ей «уйди». Я ей такое говорил, что любая бы разозлилась и ушла. Но она редкий человек, в сложную минуту она, наоборот, собирается вся и на лишние эмоции не тратит силы. Все делает, чтобы хоть как-то помочь.

Ребята! Что испытывает настоящий мужчина, когда его выносят на руках жена и пенсионер-отец, не передать словами!

ТАНЯ:
— Врачи диагноз поставили, а я целый год ему не говорила, что он никогда ходить не сможет. Вообще никому ничего не говорила. Я записывала каждый день свои ощущения. Мне просто надо было поделиться. Потому что когда любимый человек, который не говорил ни разу плохого слова, начинает тебе говорить такое, что ты просто не знаешь, почему и где взять силы, чтобы правильно это понять, чтобы через это переступить. Я не знала, откуда у меня брались силы. Я все записывала и делилась, я обращалась к Богу. Может быть, это мне помогало.

САША:
— Меня этот вопрос еще долго мучил — что она не должна на меня свою жизнь губить. Потом уже как-то это по угасающей пошло. В какой-то момент я действительно понял, что мой вопрос, так скажем, глуп. Я с тех пор всегда старался в чем мог помочь, во всяком случае, все делать, чтобы ей легче было.

Конечно, очень не хотел быть зависимым. Но ее больше, чем меня, тяготит то, что я оказался зависимым от нее. Она во всем мне показывает, что я мужчина, что за мной решающее слово.

ТАНЯ:
— Да, я знаю, что это выглядит как самопожертвование. Но я не только для него это делаю.

Я сама свою жизнь выбрала. Я ведь замужем была, когда с Сашей познакомилась. У меня был муж, Сережа, но я знала, что не смогу с ним жить, потому что я его не люблю. Я без любви жить не могу.

Сашу я полюбила. Он очень сильный человек, сильный не только физически. Он умеет добиваться всего в жизни. Никогда в жизни никому не был подвластен, даже будучи в армии. Никогда-никогда ни с кем не пил, не гулял для того, чтобы кому-то понравиться. Звезд он не снимал. Когда он ходил капитаном слишком долго, его не расстраивало, а специалист он великолепный. Мог бы отлично устроиться на гражданке...

А когда все это случилось... Если я сейчас уйду, меня никто не осудит, но ведь дело не в этом. Если уйду, я потеряю себя. Я понимаю, что должна это выдержать. И это не то что героизм. Просто я знаю, что это мое.

Я хочу понять, для чего я родилась и на Земле живу. Развелась один раз. Хотела любви. Выбрала Сашу. А раз такое с ним случилось, значит это и мой грех, и я должна замолить его в этой жизни, я не хочу, чтобы мой сын за меня потом расплачивался. Я хочу в своих глазах остаться человеком. И для своего ребенка остаться порядочной, честной, достойной матерью. И для Саши...

Для Саши никто не мог бы сделать больше, чем она. Она, правда, считает, что без его, Сашиной, воли им не пережить бы этой трагедии. Вернувшись из больницы, он с первого дня начал тренировать мышцы, не давая организму расслабиться, а себе — опуститься. Для любого инвалида это единственно возможный способ вернуться к жизни. Но то, что делал Саша, под силу действительно немногим. Он сутками изнурял себя специальными упражнениями, фиксируя в дневнике все новые ощущения, все изменения в мышцах. Сейчас, больше чем год спустя, медики считают, что он сделал невозможное — для человека с **таким** переломом позвоночника.

Он почти перестал ощущать себя беспомощным. Если бы он смог свободно передвигаться вне пределов квартиры, то наконец почувствовал бы себя самостоятельным человеком. Эта мысль стала для Тани главной.

«Ребята! Что испытывает настоящий мужчина, когда его выносят на улицу на руках жена и пенсионер-отец, не передать словами», — написала она в редакцию. Дальше она рассказывала, как они придумали установить в пустующей шахте лифта специальный подъемник для Сашиной коляски. Нашли единственный в стране завод, производящий такую технику, и связались с ним. Добились разрешения главного архитектора на установку, сделали проект. Дело было только в деньгах. Почти 26 миллионов.

Из двух десятков организаций, к которым в течение нескольких месяцев Таня обращалась за помощью, отказали почти все. Отказали солидные Агропромбанк и банк «Тверь». Отказали губернатор Тверской области и управление соцзащиты населения. Помогли только головное управление Центробанка (600 тыс.), городской фонд соцподдержки (200 тыс.) и Благофонд (500 тыс.). Самым щедрым спонсором оказался Тверьуниверсалбанк, выделивший 3 миллиона.

Все, кто хоть немного знает Таню, не сомневались в том, что она построит для Саши этот подъемник. Каких бы денег это ни стоило, сколько бы времени и сил для этого ни потребовалось. Но, к счастью, ждать пришлось недолго. Мэр Твери Александр Белоусов распорядился выплатить недостающую часть суммы.

Подъемник уже работает. Саша сам выезжает на улицу. Для него и Тани это настоящий рубеж — Саша в буквальном смысле вернулся к жизни. Что дальше?

САША:
— У меня сейчас главная цель — не жить иждивенцем и помогать другим инвалидам. Я по телефону нашел таких же, как я. Пока литературу им подбираем, упражнениям физическим учим, не даем опуститься. Ведь многие не знают ничего. Они даже и могут потенциально ходить, но не знают, как этого добиться. А ими никто не занимается.

ТАНЯ:
— Я знаю, как тяжело оставаться наедине со своими проблемами. Поэтому мы создали общество инвалидов. Будем стараться помогать всем, кому может пригодиться наш опыт.

Остается только добавить, что печальный и героический опыт Саши и Тани может пригодиться не только инвалидам. Но и вполне здоровым людям, которые должны отвечать за выполнение закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» и указа президента РФ «О мерах по формированию доступной для инвалидов среды жизнедеятельности».

Мэр Твери Александр Белоусов сделал выводы из этой истории. Он обещал никогда больше не строить домов без специального пандуса для инвалидов.

ОТ РЕДАКЦИИ: Если кто-нибудь из наших читателей захочет помочь созданному Таней и Сашей обществу, звоните в Тверь по телефону 48-43-58.

Отдам ребенка в хорошие руки

Ира Шмелева очень любит одиночество. Ей хорошо одной. Когда Ира одна, она мечтает. Ей кажется, что она — маленькая девочка в богатой парижской семье. Все — от кухарки до водителя маминой машины — без конца думают и беспокоятся о ней. А она — капризная маленькая девочка, у которой одна настоящая подружка — кукла Кэнди. Кэнди тоже живет в большом просторном доме у богатых родителей и капризничает.
На самом деле Ире Шмелевой 36 лет, живет она в Астрахани, у нее двое детей, которые редко оставляют ее одну, а Ирина мать за всю жизнь ни разу не поцеловала свою дочь. Ира не забывает об этом.
Но в письме в редакцию она не писала об этом.
Она только написала, что хочет отдать в хорошие руки своего трехлетнего сына Лешу.

Она вышла замуж за капитана. Капитан плавал на трехпалубном теплоходе «Щорс» из Астрахани в Москву и из Москвы в Астрахань. Ира тоже плавала на теплоходе «Щорс» — официанткой. Ире было 23 года, капитану 53.

— Потянулась я к нему, — вспоминает Ира.

Да и он к ней потянулся. Своей семьи у капитана никогда не было, только отец капитан да брат капитан.

Так Ира со своим капитаном и плавала несколько лет по Волге, пока не родила сына Федю. Тут уж они расписались, а капитана по пенсионному возрасту списали на берег, в родительскую квартиру в центре Астрахани, где они втроем и зажили.

Капитанской пенсии им вполне хватало. Он еще кое-где подрабатывал. Василий Федорович на отдыхе вспоминал свою боевую молодость, как вывозил он юнгой с отцом на большом теплоходе из осажденного Сталинграда раненых бойцов Красной армии. И как позже, годы спустя, вывозил на «Щорсе» из рыбной Астрахани в Москву десятки килограммов черной икры. Жизнь капитана была полна приключений. Он привык к ним и не мог без них жить. И в 63 года он решился еще на одно приключение, в результате которого у них родился еще один сын.

Они уже знали, как назвать сына. Когда Ира была беременна, в Астрахань приехал Патриарх Алексий, и юродивый на паперти, увидев Иру, ткнул пальцем в живот и строго сказал:

— Алексеем будет.

Он и стал Алексеем.

Но их приключения на этом не закончились. Натура капитана искала выход бушевавшей в нем энергии. Тут очень кстати пароходство решило выделить ему право на покупку автомобиля «ВАЗ-2109». Они с трудом собрали деньги. Так капитан снова взялся за штурвал.

Именно в этот момент в их жизнь вмешался еще один человек. Человеком этим оказался Леня Голубков. Это было невыносимо! Он уже купил себе квартиру, а они никак не могли рассчитаться с долгами за машину.

Но все-таки, надо отдать им должное, они долго боролись с Голубковым. Несколько раз оформляли документы на продажу машины — и забирали их. Однако и сами понимали, что исход битвы предрешен. Ровно за две недели до краха МММ они продали машину и отнесли все деньги в астраханский филиал МММ.

Ира услышала, что все кончено, по телевизору. Она сказала об этом мужу. Он побледнел и потерял сознание. Вызвали «скорую». Инфаркт. Он пролежал в больнице шесть месяцев и умер.

Ире назначили пенсию по потере кормильца — 213 тысяч на каждого члена семьи. 80 тысяч она платит за детский сад для Леши. Столько же за квартиру. Она продала холодильную камеру, все золото, что у нее было. Сейчас она нищая.

Она пробовала устроиться на работу, но тут же лишилась вообще всяких денег. Пенсии — потому что не имела права работать, если хотела получать пособие. А зарплаты — потому что дети часто болели, и ее быстро уволили.

Но ее Федя ходит на бальные танцы и занимается английским языком с репетитором. Потому что Ира хочет, чтобы он всегда был первым, и вся в долгах из-за этого. Она с ужасом думает о том, что скоро зима и на ноги надеть ему будет нечего. В конце концов, она, конечно, продаст еще что-нибудь из своих вещей. Леше легче. Он донашивает Федины вещи. Никаких своих у него никогда не было.

Федя и Леша очень красивые мальчики. У Леши до недавнего времени, пока не пошел в детский сад, были длинные вьющиеся волосы, и Ира перед каждым выходом на улицу ставила ему на лбу помадой незаметную точку — чтобы не сглазили. Так ее научили.

После смерти мужа Ира ни на шаг не отпускает Федю. Она ревнует.

— Я схожу с ума, — сказала она мне. — Мне кажется, что все девочки вокруг него — какого-то легкого поведения. Я отдала его на бальные танцы и хожу на каждое занятие. Там есть одна девочка. Как она на него смотрит! И я сразу сказала их руководительнице:

— Федя с Дашей танцевать не будет.

Та спрашивает:

— Но почему? У них же хорошо получается и им нравится.

— Не будет, — говорю. — Они с рождения вместе, в один детский сад ходили, и я знаю, что мой Федя ее ненавидит.

Сама-то я знаю, что Даша моему Феде нравится, это меня и сводит с ума. Я — стерва. Я — впечатлительная стерва. Помню, сын 1 сентября после школы принес мне цветы.

Я спрашиваю:

— Откуда?

— Одна девочка подарила.

Один день у нас эти цветы простояли, потом я ему говорю:

— Отнеси обратно.

Он спокойный, покорный мальчик, отнес, хотя, конечно, расстроился. А я не могла смотреть на эти цветы. Мне муж никогда цветов не дарил. И за всю жизнь никто ни одного цветка не подарил.

К Леше Ира относится спокойнее. Может быть, даже чересчур спокойно. Мы забрали его из детского сада на два часа раньше, чем обычно, и он очень рад. В детском саду воспитательница Валентина Анатольевна рассказывает мне про Лешу.

— Он такой умный мальчик! Как-то подходит ко мне и говорит:

— Я сегодня домой быстро пойду и из дома никуда не выйду, а вечером сразу лягу спать.

— Почему? — спрашиваю.

— Вы что, не знаете? Сегодня же полнолуние. Людей атакуют черные силы, и люди борются с ними. А те, кто не побеждает, становятся оборотнями. Вы что, не знали? Вы тоже идите быстрее домой.

Я знала, но все равно мне как-то даже не по себе стало от такой его осведомленности, в три-то года.

В садике у него есть друзья. Лучший друг — Боря. Только он еще почти не разговаривает, но Леша говорит, что поэтому с ним и дружит.

Мы гуляем с Ирой и с Лешей по парку в центре Астрахани, около Кремля. В парке тихо, тепло и очень светло. Она говорит:

— Мы нищие. И я знаю, что не смогу поднять двоих. Вот его, Лешу, не смогу. Не на что. Замуж? Где он, этот муж? Вон, весь наш дом — одни пьяницы. Да все замужние мне только завидуют.

— Но кроме вашего дома мужчины, что, нигде больше не живут?

— Да я никуда и не хожу. Вон, вышли погулять на День города, я смотрю — все довольные идут, а мне утром соседка денег на хлеб дала. Ну, я заплакала, взяла детей и ушла домой. А иногда еще беременных вижу, так вообще все внутри переворачивается. Что же они, дуры, делают?

А Леша что-то в это время бормочет тихонько. Я прислушиваюсь:

Что-то рано осень
В гости к нам пришла.
Еще просит сердце
Света и тепла...

— Ой, он столько стихов знает, — оживляется Ира, — все знакомые удивляются. В три года — и такой сообразительный. Леша, ты кем будешь?

Леша долго думает. Мы даже забываем, что спросили его.

— Я приняла решение, — говорит Ира. — Или мы втроем умрем с голода, или я отдам Лешу хорошим людям. Ведь есть же где-то хорошие люди, которые дадут ему настоящее воспитание, сделают из него человека. Я ради этого — что угодно.

— И откажешься от родительских прав?

— Откажусь.

— Врачом, — вдруг говорит Леша. — Я буду врачом. Ты будешь приходить ко мне, мама, а я буду кормить тебя медом.

У Иры на глазах слезы.

— Есть, конечно, хорошие люди. Я не так давно объявление дала в местной газете: «Ищу семью, которая помогла бы в воспитании ребенка...». Позвонила одна женщина, работает директором кафе в кинотеатре. Мы с ней долго разговаривали, она, наконец, сказала: «Для начала будем бесплатно обеспечивать вас обедами и ужинами из нашего кафе, а потом посмотрим». Очень ей Леша понравился. Только обо всем договорились, как у нее муж умер. Тут уж, сами понимаете, не до помощи. Ей теперь самой помощь нужна.

— А недавно, — продолжает Ира, — пришли к нам из детского дома. Давайте, говорят, вашего мальчика. А Леша сидел на горшке в это время, услышал и кричит из туалета:

— Не надо мне никого! Мама, скажи им, пусть домой идут, я и без них хорошо проживу!

Я их и без него чуть не выгнала. Лешу в детский дом! Что я, наших детских домов не знаю?

— Я понимаю эту женщину, — сказала Лидия Михайлычева, главный специалист отдела проблем семьи, женщин и детей Астраханского департамента социальной защиты. Это она приходила к Ире. — Как отдать сына в детский дом? И жить так, как они живут, не получится. Прожиточный минимум в Астрахани для такой семьи, как эта, минимум в полтора раза больше всех их пенсий, вместе взятых. Что им делать, я и не знаю. Мы помогали бы Ирине, если бы она была матерью-одиночкой или если бы у нее было хотя бы трое детей. А так — никто ей не должен помогать. Но и придарить ребенка — кощунство какое-то!

Мы гуляем по парку и останавливаемся возле красивой детской машины, которую можно взять напрокат. Один круг вокруг памятника Ленину — пять тысяч рублей. Леша идет мимо машины и только громко сопит.

— Хочешь прокатиться? — спрашиваю я. Вопрос, в общем, глупее некуда.

Леша делает два круга, а мама огорченно смотрит на меня.

— Он же теперь мне покою не даст с этой машиной. Все, теперь в этот парк мы больше не ходим.

— Леша, — спрашивает Ира, когда мальчик вылезает из машины и старательно захлопывает дверцу, — хочешь жить в Москве? Будешь каждый день так кататься.

— Хочу, — подумав, говорит Леша.

— У тебя будет много-много всего.

— А чего? — спрашивает Леша.

— Ну... Компьютер.

— Хочу! — оживляется Леша.

— Вот видите? — говорит Ира.

Она как будто хочет от меня одобрения и поддержки. А я не знаю, чем ей помочь. Я вообще не знаю, как мне писать про эту историю. Может быть, все дело в деньгах? И она, как сама говорит, не в силах воспитать двух детей, ради их же блага решила расстаться с одним? Но у нее же все-таки находятся деньги на бальные танцы и репетитора по английскому для Феди. Да и какая мать не согласилась бы жить с ребенком на хлебе и воде — только бы вместе? Искала и искала бы она помощи в собесах, благотворительных фондах и международных организациях — и в конце концов нашла бы. Да и не так уж безнадежно они живут. Трехкомнатная квартира в центре Астрахани — осталась от родителей мужа. Квартира хорошо обставлена — это постарался сам муж... Нет, дело не в этом или не только в этом.

А может быть, как ни дико это звучит, она просто не любит своего Лешу? Ведь говорила же она мне, что он не был для них желанным ребенком. Да еще так уж получилось, что Лешино рождение совпало с самыми неприятными моментами в Ириной жизни — смерть мужа, разорение...

Но сына в детдом все же не отдала. Да по-моему, если честно, не отдаст ни в какие хорошие руки, если эти руки вдруг протянутся, чтобы забрать у нее ребенка. Но ведь писала в газету, на весь свет объявила, что хочет отказаться от трехлетнего сына...

Похоже, в этом все дело. Похоже, что это письмо — странная, жутковатая попытка привлечь внимание. Рассказать о том, как страшно молодой женщине остаться одинокой, без родителей и мужа. И заботиться о детях, когда самой так хочется заботы, внимания и любви, так хочется почувствовать себя маленькой девочкой в богатой семье.

Когда мы уезжали, маленькая девочка Ира Шмелева плакала и говорила только:

— Спасибо, что приехали. Я за свою жизнь ни с кем так не говорила. Не надо уже никакой статьи. Вы столько сделали!

АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ,
НАТАЛЬЯ МЕДВЕДЕВА (фото)

ОТ РЕДАКЦИИ: Если вы захотите написать Ирине Шмелевой (фамилия изменена), пишите на адрес редакции. Ваше письмо обязательно попадет к ней. Или позвоните нам — мы дадим ее телефон.

Как фермер Иван Гидеон вертится вместе с землей

Окончание. Начало на стр. 1

...В той своей шахтерской жизни он часто наезжал в гости к свояку в деревню. Хозяйство у свояка было среднее. 15 соток огорода под картошку, ежегодно выделяемый покос, два поросенка, корова с телком, десяток коз и кошка. Жил свояк неплохо. Но пил. Иван соображал: если б такому двору да рабочие руки, да возможность чуток расширить участок, перепланировать усадьбу, да кое-что построить, то никакой шахты человеку не нужно.

Он уехал из города. Первый год в деревне Иван имел 42 гектара пашни и времянку из горбылей. Зерно купил в долг, под божеский еще банковский кредит. Сеяли ему трактористы бывшего колхоза имени товарища Берии, переименованного затем в совхоз «Усть-Сосновский». И убирали они же, а он платил. За год рассчитался с банком и отдал все другие долги.

Гидеон тогда считал, что так и будет. Не стало. Не срослось. Директор местного хозяйства запретил своим рабочим помогать фермеру, и девяносто первый год Гидеон провел очень худо. Тогда и надел крест на шею. В девяносто втором попробовал, имея зерно, организовать свиноферму под Кемеровом. Несколько поправил свои дела, но понял, что хозяйство без постоянного развития и приращения основных фондов есть химера, а не хозяйство. И начал усиленно чесать затылок в поисках требуемых для того двадцати миллионов рублей. Денег ему никто не давал.

— Я пошел тогда иным путем, — рассказывал мне Иван. — Если я вижу, что государство мешает мне, я сменю работу. Ты в Турции был? У турок бы нам поучиться. Турок просыпается и засыпает с одной мыслью — где бы что урвать для пропитания и в запас.

И бывший шахтер, а ныне фермер, стал турком. Пошел на приработки в челноки. В девяносто четвертом году он уже сидел в китайской свободной экономической зоне близ Шанхая и постигал смысл жизни у своего гуру Ли Цзыдао, бывшего студента иркутского вуза. Ли учил Ивана: деньги на развитие сельхозпроизводства в Сибири можно добыть двумя путями — украсть у ближнего или обмануть его. А Гидеон слушал, закусывая ханшин устрицей, и думал о том, что куртенка на китайце пошла бы в Кемерове раза в три подороже той цены, которую Иван сейчас заплатит.

Коммерцию Гидеон так и не полюбил. Но он пока не видит другого способа инвестировать свое хозяйство. В прошлом году область дотировала аграрную отрасль на 460 млрд рублей. Ни один рубль не попал в руки частника. Все как в прорву — в колхоз.

— Мой клиент-оптовик уже определился, — считает Гидеон. — Стараюсь работать по предварительным заказам. Получается выгодно, хотя и муторно. Я бы лучше свое зерно продавал. Прикупить бы, или, на худой конец, приарендовать с сотню-другую гектаров земли, технику получить по лизингу — вот жизнь пошла бы! Колхозам дают ведь, а они все равно пропьют или потеряют...

Фермер Гидеон, кстати, решил однажды хотя бы своей собственной землей принести пользу людям. Он отдал ее в аренду картофелеводам. Земля дала невозможный даже по сибирским меркам урожай картошки — за 200 центнеров с гектара. Что власти? Власти Топкинского района пытались напугать Гидеона чуть ли не тюрьмой. Да как он смел раздавать в аренду ту пашню, что дана лично ему для фермерства? Иван отбился.

Отбились от собственных районных властей и прокопьевские фермеры, в облсуде доказавшие право пользоваться землей так, как они считают нужным. Гидеон вообще считает, что для нормальной предпринимательской деятельности в стране — что в селе, что в городе — нормативная база в виде указов президента или решений правительства есть в изобилии. Дело в забастовке чиновников, шагу лишнего не делающих, не получив предварительно по шее от начальства.

А у Гидеона начальства нет. У него — земля. На этой земле те, кто пашет и молотит на фермера Гидеона, получают такую зарплату, какой не видели никогда в бывшем колхозе имени товарища Берии. Еще в 1995 году он платил каждому по полтора миллиона рублей в месяц, тогда как рабочие совхоза получали по 100–120 тысяч.

Урожая, что собрал Гидеон в этом году, хватит на подержанный комбайн и лес для новых построек. Недавно Иван еще сторговался с рыбаками из Новосибирской области, ездит на озеро Чаны, закупает судаков и везет кормить город. А сам все соображает: зерно нынче можно продать под миллион за тонну. С сорока гектаров сбор составит тонн восемьдесят в худшем случае. Но зато на свободе и свежем воздухе. По местным меркам Иван — человек состоятельный, каких все больше становится в крае, измученном неплатежами, сокращением госдотаций и повальной невыдачей пенсий.

— Иван, — говорю ему я, — тебе сорок два года, у тебя внук пошел под стол. Насколько хватит твоего здоровья при таком нездоровом образе жизни?

— Надолго не хватит, — соглашается Гидеон. — Жмет родимое государство все круче. Да ведь и мы не лыком шиты. Я все равно не прогадал в сравнении со своими товарищами. Вот Володю Арышева, своего друга-шахтера, видел на днях. Стоит в пикете с плакатиком представительства «Росугля». Шахта бастует, зарплаты нет с мая. Говорю ему: «Брось, дурень! У меня в Кокуе рядом земля пустует». — Он на меня как на дикого: «Да ты в политике совсем разбираться перестал. Зажали нас, зажмут и тебя, попомнишь...». — Ну, зажмут, как не раз жали, кроликов буду выращивать, они сами собой плодятся. Я все равно себе хозяин, мне бастовать не в жилу...

... Мы сидели с ним в Кокуе на краю березового околка, на меже, отделявшей совхозные владения от гидеоновских. Левый фланг стада коров забрел на его ячмени. «Вот опять придется к китайцам ехать. Потраву надо чем-то компенсировать, а?»

Он рассказывал, что самое сильное потрясение в жизни испытал в 1961 году, когда полетел Юрий Гагарин. И Иван тогда открыл, что земля вертится. Она, а не солнце вокруг нее. Гидеону было тогда семь лет. «Вертеться надо, — смеется, — потому что не ты пуп земли. Ты — работник на ней».

НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ

Решения жюри читательского конкурса поддерживаем, одобряем!

Читатели, дорогие! Уставшие ждать и потерявшие надежду!

Мы никуда не пропали, мы снова делаем для вас газету! И наконец, называем победителей читательского конкурса. Но прежде чем это сделать, несколько слов для тех, кто не помнит условий конкурса или вообще только что о нем узнал.

В трех номерах газеты «Не дай Бог!» мы печатали фотографии с лозунгами. Это были, как нам казалось, известные всем лозунги времен развитого социализма. Участники конкурса должны были вписать вместо точек пропущенную часть лозунга, вырезать фото из газеты и послать в редакцию. Мы, со своей стороны, должны были честно выявить победителей и наградить их поездкой в прекрасный город Прагу, столицу братской Чехии.

За пять месяцев мы получили тридцать восемь тысяч неправильных ответов. До десятой тысячи мы удивлялись. Как можно не помнить слов, которые нам с вами столько лет выдавали за наши собственные (кроме, конечно, тюремного плаката)?! Тогда мы сами стали вспоминать советские призывы, заверения, девизы и лозунги. У нас это получилось не лучше, чем у вас. И мы перестали удивляться: действительно, зачем помнить сло́ва, которым никто никогда не верил?

Очень нас развлекли письма жизнерадостных читателей, которые даже и не пытались ничего вспомнить, а предлагали свои варианты лозунгов. Например: «Новую ГОЛОВОМОЙКУ поддерживаем, одобряем!». Или вот еще хороший вариант: «Новую КОНСТРУКЦИЮ ФЕНА поддерживаем, одобряем!».

А серьезные читатели использовали возможность поделиться мыслями о политике: «ПЬЯНСТВО — НОРМА социалистического образа жизни!», «АТЕИЗМ — НОРМА социалистического образа жизни!», «ВЫ — ПРЕДАТЕЛИ социалистического образа жизни!» «Осужденные обязаны передвигаться, ЧТОБЫ БИТЬ ВАС, ЖИДОВ, ТОРГУЮЩИХ РОССИЕЙ!»

Правильных ответов оказалось очень мало — всего 1700, причем на последнее задание про «...ГАРАНТИЮ успеха» — всего 120. Поскольку времени с тех пор, как оно было опубликовано, прошло довольно много — больше четырех месяцев — напрашивается вывод: энтузиазм ваш, уважаемые, под конец испытания заметно ослабел.

Поначалу мы предполагали, что будем выбирать победителей среди тех, кто раньше успеет прислать в редакцию ответ. О чем и сообщили в условиях конкурса. Сообразительные читатели отправляли нам телеграммы. Дотошные читатели писали: «Каким образом вы собираетесь определить первого? Я живу в Иркутске, и пока газета дошла до нас, а ответ дойдет до вас, пройдет полмесяца. Ясно, что при таких условиях игры победителем станет москвич, причем живущий недалеко от редакции».

Мы согласились с последним доводом и не стали учитывать срок ответа при подведении итогов. Справедливости ради пришлось также не учитывать наши личные пристрастия к особо задушевным авторам. Кроме одного случая. Финалистка конкурса, Сазида Габдулязановна Александрова, правильно ответившая на все четыре вопроса, узнала себя среди других женщин на фотографии в парикмахерской. Она написала, где находилась парикмахерская и в каком году она там под феном сидела. Мы растрогались и не смогли отдать судьбу этого письма на волю слепого жребия. Сазида Габдулязановна стала нашим первым победителем.

Дорогие конкурсанты! Мы благодарны всем, ответившим правильно или нет, за вашу активность. Ну а теперь — ура! Громогласное и троекратное! Поздравляем победителей. Победа действительно была не из легких. Итак:

Неверный Константин Карпович, 354003, г. Сочи, ул. Макаренко, 17, кв. 21
Александрова Сазида Габдулязановна, 614000, г. Пермь, ул. Луначарского, 62б, кв. 54
Калинина Клавдия Викторовна, 630132, Новосибирск–132, ул. Омская, 89а, кв. 36
Абрамова Галина Петровна, 636753, Томская обл., Каргасокский р–н, п. Вертинос
Рогачев В. Н., 443030, г. Самара, ул. Красноармейская, 108, кв. 6
Кривощеков Виталий Михайлович, 625039, г. Тюмень, Ул. 50 лет Октября, 54, кв. 8
Ермакова Катя, 301670, Тульская обл., г. Новомосковск, ул. Куйбышева, 4, кв. 11
Маслова Людмила, 606153, Нижегородская обл., Вопский р–н, с. Польцо
Карпов Михаил Дмитриевич, 630083, Новосибирск–83, ул. Большевистская, 149, кв. 14
Кольцов Сергей Петрович, 398020, г. Липецк, Ул. 9–е Января, 7, кв. 7

Но если уж быть честными до конца, первым стал другой человек. Он ответил только на один из четырех вопросов конкурса. Ответил неправильно. Вместе с вырезкой он прислал письмо. «В 1945 году я был тяжело ранен при освобождении города Праги, — пишет он, — и больше никогда там не был. Так хочется опять оказаться на окраине города, может быть, встречу кого-нибудь из пражан, спасших мне жизнь».

Мы, конечно же, сразу связались с автором, ветераном 1-й гвардейской армии, инвалидом Великой Отечественной войны Константином Карповичем Неверным и пообещали отправить его в Прагу. Надеемся, что читатели нас за это не осудят. Тем более что это наше единственное нарушение правил. Всех остальных победителей мы выбирали честно — путем вытягивания писем из пачки наугад.

Посылая победителям телеграммы, я волновалась, что они не дойдут: или адрес окажется неверным, или еще чего-нибудь. К счастью, все вы нашлись. Первой позвонила Людмила Маслова из Нижегородской области. «Ой, не могу я поехать, у меня хозяйство не на кого оставить», — сказала она. А потом добавила, что вообще-то никогда даже в Москве не была — денег нету на билет. Я уговаривала Людмилу плюнуть на хозяйство и поехать в Прагу. Муж-то на что? Всего одна неделя, а впечатлений хватит на всю жизнь. Не уговорила.

«Тогда, — говорю, — выберите, какой приз вы хотели бы получить вместо поездки в Прагу». — «А у нас все есть: и машинка стиральная, и телевизор... Вот разве что сыну велосипед». Велосипед, по-моему, вещь хотя и нужная, но с Прагой не сравнимая. Людмила обещала еще подумать.

78-летний Михаил Дмитриевич Карпов опасается лететь в Прагу — у него гипертония. Я долго разговаривала с ним, выясняя, что бы он хотел получить в качестве приза. «Телевизор „Panasonic“», — решил Михаил Дмитриевич, но как-то не очень уверенно. А вот предложение подлечиться в санатории воспринял с удовольствием. «Бог с ним, с телевизором. Есть какой-то, и слава Богу. Гораздо важнее то, что я вдовец и живу один. Мне очень тяжело обслуживать себя. Тем более живя на копеечную пенсию. Я, правда, научился экономить, а вот звонок к вам для меня настоящее разорение — четыре тысячи за минуту! В санатории меня вряд ли исцелят, но я по крайней мере передохну». Так именно и сказал — «передохну». Очень грустный был разговор.

Только эти два человека отказались от поездки. Все остальные разделились на тех, у кого уже есть загранпаспорт, и тех, у кого его нет. Но времени на оформление было достаточно, и практически все уже готовы.

Сазида Габдулязановна из парикмахерской, как выяснилось, работает в Перми адвокатом. «Очень хорошо, что поездка не скоро — я послезавтра лечу на Канары. Вернусь через две недели, поработаю и с удовольствием отправлюсь в Прагу. Я там еще не была.»

Другая победительница — десятилетняя Ермакова Катя из Новомосковска Тульской области — девушка весьма обстоятельная. Она написала нам, что у нее есть четыре мечты: «1. Хотелось бы получить куклу Барби. 2. Братику машину с управлением. 3. Мечтаю, чтобы во дворе нашего дома была песочница. 4. И пусть ваша газета называется «Дай Бог!» и в ней печатают об интересных делах хороших людей». Катя прислала нам четыре абсолютно правильных ответа. Теперь она вместе с куклой Барби, братиком с машинкой, и безусловно, с мамой Надеждой Дмитриевной, которая и подсказала Кате правильные ответы, 16 ноября отправится в Прагу.

Там они, как и остальные победители, проведут неделю. Мы постарались устроить так, чтобы поездка запомнилась и тем, кто уже был за границей, и тем, кто не был: заказали хорошую гостиницу в центре города, где победители будут завтракать, ужинать и спать. А все остальное время — экскурсии по великолепному городу, про который говорят, что это второй Париж.

Конкурсанты с нетерпением ждут отъезда, а мы — их возвращения. Потому что собираемся рассказать об этой поездке в одном из ближайших номеров газеты. Вам же, наверное, интересно? В таком случае — до встречи.

АНЯ СОШНИКОВА, отдел писем

подписка

Дорогие читатели! Мы рады сообщить вам, что на нашу газету теперь можно подписаться во всех отделениях связи России

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС 32640 В КАТАЛОГЕ «РОСПЕЧАТИ»
СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ БЕЗ УЧЕТА ДОСТАВКИ:
1 месяц — 4000 руб., 3 месяца — 12 000 руб., 6 месяцев — 24 000 руб.

Поскольку местные почтовые службы сами определяют цену доставки, общая стоимость подписки на газету может различаться по регионам.

Информация о включении газеты в каталог появилась с некоторым опозданием, поэтому если у вас возникнут проблемы на почте, попросите найти специальную телеграмму «Роспечати» от 28.08.96. Если по каким-то причинам вы все-таки не сумеете оформить подписку, пожалуйста, позвоните: (095) 195-14-61 — агентство «Роспечать»; (095) 195-32-23 — редакция

Ф. СП-1

Министерство связи Российской Федерации ГПС «Моспочтамп»

АБОНЕМЕНТ на газету ~~журнал~~ 32640 (индекс издания)
НЕ ДАЙ БОГ! (наименование издания) Количество комплектов
на 1997 год по месяцам:

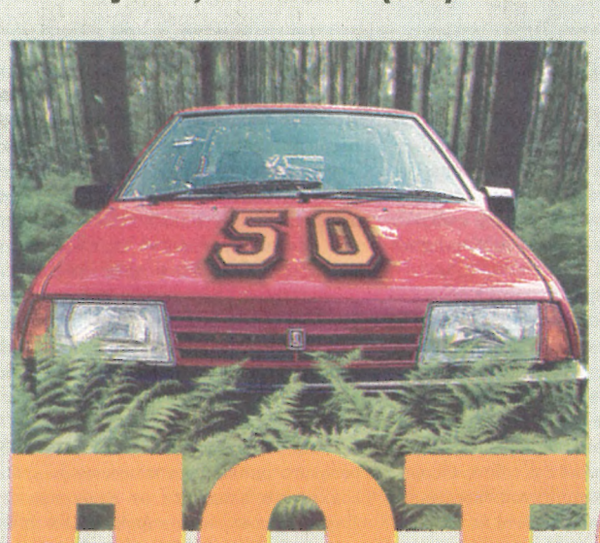
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
✗	✗	✗	✗	✗	✗						

Куда (почтовый индекс) (адрес)
Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА
ПВ место литер
на газету ~~журнал~~ 32640 (индекс издания)
НЕ ДАЙ БОГ! (наименование издания)
Стоимость подписки переадресовки ____ руб. ___ коп. ____ руб. ___ коп. Количество комплектов
на 1997 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
✗	✗	✗	✗	✗	✗						

Куда (почтовый индекс) (адрес)
Кому (фамилия, инициалы)



Как выяснилось, вы, дорогие читатели, любите участвовать в конкурсах. Их в нашей газете будет еще много. А пока мы предлагаем тем, кто решил подписаться на «Не дай Бог!», принять участие в лотерее.

СРЕДИ ПОДПИСЧИКОВ ГАЗЕТЫ БУДЕТ РАЗЫГРАНО 50 АВТОМОБИЛЕЙ «ЖИГУЛИ»!

Чтобы выиграть машину, нужно подписаться на нашу газету на полгода и отправить в редакцию соответствующую квитанцию. Розыгрыш машин будет проводиться среди квитанций, поступивших к нам до 1 февраля 1997 года. Искренне желаем вам удачи!

лотерея

Газета «НЕ ДАЙ БОГ!» зарегистрирована Комитетом Российской Федерации по печати. Свидетельство № 014695. Тираж 10 000 000 экз. Отпечатано в ЕС. Время подписания в печать: по графику 23.00, подписано 23.00. Адрес редакции: 125252, Москва, А/Я №50. Тел.: 943–9731, 943–9785.
Главный редактор: Леонид Милославский. Редколлегия: Владимир Яковлев, Никита Голованов, Андрей Васильев, Игорь Свинаренко, Сергей Подлеснов, Сергей Мостовщиков, Андрей Колесников

Газета «Не дай Бог!» распространяется в следующих регионах России: Республика Адыгея, Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Республика Алтай (Горный Алтай), Республика Дагестан, Ингушская республика, Кабардино–Балкарская республика, Республика Калмыкия, Карачаево–Черкесская республика, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Саха (Якутия), Республика Северная Осетия, Республика Татарстан, Республика Тыва, Удмуртская республика, Республика Хакасия, Чеченская республика, Чувашская республика, Алтайский край, Краснодарский край, Красноярский край, Приморский край, Ставропольский край, Хабаровский край, Амурская область, Архангельская область, Астраханская область, Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Волгоградская область, Вологодская область, Воронежская область, Ивановская область, Иркутская область, Калининградская область, Калужская область, Камчатская область, Кемеровская область, Кировская область, Костромская область, Курганская область, Курская область, Ленинградская область, Липецкая область, Магаданская область, Московская область, Мурманская область, Нижегородская область, Новгородская область, Новосибирская область, Омская область, Оренбургская область, Орловская область, Пензенская область, Пермская область, Псковская область, Ростовская область, Рязанская область, Самарская область, Саратовская область, Сахалинская область, Свердловская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тверская область, Томская область, Тульская область, Тюменская область, Ульяновская область, Челябинская область, Читинская область, Ярославская область, Еврейская автономная область, Агинский Бурятский автономный округ, Коми–Пермяцкий автономный округ, Корякский автономный округ, Ненецкий автономный округ, Таймырский (Долгано–Ненецкий) автономный округ, Усть–Ордынский Бурятский автономный округ, Ханты–Мансийский автономный округ, Чукотский автономный округ, Эвенкийский автономный округ, Ямало–Ненецкий автономный округ